

Пробуждение

Меня тошнит. Это первое ощущение, которым дает знать о себе жизнь после тягостного распада сна. Я не люблю просыпаться. Нет ничего более мерзкого и безнадежного, чем вывалиться из уютного небытия в очередной день. В теплой темноте забвения начинают вспыхивать звезды и превращаются в гнойные проколы: кольнуло в печени; заныли справа ребра; змеистая резь в желудке; наждак во рту; очередной дневной круг бессрочной ка-торги.

От всего кругом меня тошнит. Даже с закрытыми глазами. Это не та тошнота, которая мучительно выворачивает наизнанку, извергается вон и сменяется очищенным облегчением. Это оцепенелая ледяная тоска, пронизывающая весь организм как отрава, парализующая желанья: вместо крови трупная жидкость, вместо нервов сгнившие клетки, тоска проступает

сквозь кожу холодным потом, и так настигает тебя первая кара дня: ты проснулся. Здравствуй, жизнь, здравствуй, лютый зверь, здравствуй, палач неуязвимый. С добрым утром, суки, вы еще не сдохли?

Теперь надо поправить здоровье. Несчастливая черта русского характера: выжрать все, что есть, ничего не оставив на опохмел. И никаких уроков из собственного горького опыта; это наша национальная черта, она сказывается во всем, но мучительное утро есть родоначало всех наших бед. Дожить до заката. В поте членов твоих, в позоре лица твоего. О, если бы я был немец! У меня всегда бы оставалось на утро сто грамм, или фунфырик, или хоть полфлакошки цветочного или лосьона; да что я говорю — у немца оставался бы баллон пива и полпачки сигарет.

Мы ненавидим кавказцев из бессильной зависти. Будь я азер, или грузин, или лучше всего армянин, они самые древние и культурные — как счастлив был бы я по утрам! Хаш! Я ел бы горячий, жирный, острый, с чесноком и травами хаш! И несколько рюмок холодной чистейшей водки!.. Да, эти люди умеют жить, и есть чему у них учиться. Если утром съесть хаш и выпить двести грамм — горы можно свернуть, жизнь в радость, ты уверен в себе, ты всему хозяин!

Я знаю, о чем говорю. Я ел хаш, едал, были когда-то и мы рысаками. Два раза. Тогда, когда... Словом, как говорил Атос, когда у меня был собственный замок.

Чу! Какое к черту «чу» в корчах головокружения, это все изыски эстетов. Ишь ты, я еще помню слово «эстет», не все потеряно. Это прогазовал на холостом синий «форд-фокус» у четвертого подъезда. Значит, без четверти девять. Пора вставать.

Подъем

Почему же все так трудно. Почему же все так сложно в жизни. Я хочу пить, внутри уже все горит. И я хочу покоя, шевелиться невыносимо. Если бы можно было протянуть руку и взять — не стакан, литровую банку воды — как прекрасна была бы жизнь. Но что бы ты ни захотел — сначала самому надо это сделать, вот в чем проклятье людское. Нет мне воды под рукой. Откуда ей взяться, если я не помню, как сам-то обрубился.

Я сползаю со своего ложа — двух водяных труб в толстой изоляции поролона, обернутого рубероидом. Они теплые и мягкие. Главное — чтоб тебя тут не засекали и не навесили замки на все дыры. Да кто ж весь коллектор перекроет.

Отхожу подальше, там есть ниша такая, и справляю утренний туалет. Когда я не забуду принести сюда какой-нибудь совок или лопатку, я буду все регулярно присыпать, и тогда получится биотуалет. Нельзя же гадить там, где спишь. А где устраиваться? Город — это

тебе не сад. Как представишь утром миллион одновременно гадящих — словно в гигантском сортире живешь. Идут себе все такие чистенькие, красивенькие, словно и не корячились только что, а город плывет на подземных реках их вони. Утром вообще жизнь чувствуешь через отвращение.

Еще, я вам скажу, стало плохо с газетами. В смысле очень мало выкидывают. Не читают. Интернет читают, сволочи. Компьютером не подотрешься. Туалетную бумагу я не имею в виду, платную. Когда-то, я помню, все покупки заворачивали в какую-никакую бумагу. А сейчас в пластиковые пакеты. Они скользкие. Так что я срываю всякие наклеенные объявления. Бумага всегда пригодится.

А вот теперь надо идти в другую сторону, два поворота направо, пять шагов — жестяная будочка. Дверца на поворотной задвижке. За ней — кран. Под краном — большая жестянка из-под горошка... Св-волочи! Сперли банку. Я осторожно приоткрываю кран и пью чистую, холодную, отдающую металлом воду. Перевожу дух и пью еще. Потом мою лицо, шею и руки. Пальцем протираю зубы (оставшиеся зубы, трогаю пальцем дупла, слева внизу два шатаются, но держатся пока). Умывание бодрит. Опустись — сдохнешь. И все равно сдохнешь, если не опохмелишься. А не сдохнешь — так еще хуже.

Бурение огненной воды

Просто так тебе выпить никто не даст. Легенды о верной дружбе придумали в кино. Когда деньги лишние — что ж друга не угостить. Но денег здесь нет в принципе. Мы находимся на передовом крае обнищания населения. Что интересно — ребята загивают постоянно, а передовой край не пустеет. Не то народ к этой черте подтягивается, не то черта к народу. Короче — бухло и родина едины.

На улице просить бессмысленно. Все торопятся на работу, и вид праздного алкаша только раздражает. Алкаш — алкает. Или алчет.

У магазина кучкуются такие же, как ты сам, там уже наверняка и Полковник, и Самурай, и Удав; а для покупателей еще рано.

В долг... В долг таким, как мы, дает только Господь Бог — дней на земле. И то ненадолго.

Сесть у стены или в переходе — это для самоубийц. Разве что минут на десять — собрал что подали и деру. А может, к тебе не через полчаса, а через минуту подвалют — случаи бывали. Дежурные ездят, следят. Отобьют потроха, сломают кости — а здоровья лечиться уже нету, это только подохнуть останется. Город поделен на участки, нищие — на специальности, и цыганская мафия утром развозит их по местам, а вечером собирает в свои общаги. Все деньги сдать, стакан нальют, пожрать — и на тюфяк. Утаишь — убьют, никто не хватится. Менты крышуют. «На операцию матери», «безногие десантники» — все их

организация. Старушка-богомолица юродивая — и та или отстегивает, или исчезает навсегда.

Честно подкалымить невозможно. Ни в какой магазин на разгрузку-погрузку хоть чего, хоть тары, нас не берут. Вид, запах и невладение собой при возможности спереть и пропить все равно что... Там свой контингент.

Когда-то был честный бизнес — собирать бутылки. Даже участки были свои. Пяток сдал — одеколон твой. В наше время и бутылок не найдешь, и стоят копейки, и сдавать замучишься искать куда, и ларьки-то с «Тройным» и «Огуречным» исчезли, как корова языком слизнула. Вот тоже удивительно: народ спивается — а где он спивается? Как узнать места, где он конкретно спивается, и очищать там город — уносить стеклотару?

Процесс вымирания народа незаметен до полной непонятности. Словно их среди бела дня аисты уносят и прячут в капусте навсегда.

Когда я... словом, когда у меня был свой замок, я завел референта по культуре. Она мне пересказывала человеческим языком знаменитые книги. Какая отличная была у нее задница! Там была книга, где люди постепенно превращались в фашистских зверей: не то волков, не то бегемотов, а сами себя полагали нормальными. Она объясняла, что все мы постепенно в кого-то превращаемся... «Чивас Ригал»! Мы пили восемнадцатилетний «Чивас Ригал»! В любое время, хоть полный стакан, а со льдом — элексир счастья! Есть, есть на свете счастье, просто оно всегда не с тобой.

А потом на диване превращалась в мартовскую кошку. Образованные дамы вообще дают дрозда круче тундры. Культура, она говорила, возбуждает все чувства и... о господи, не может жить человек с такой помойкой во рту!.. и развивает воображение. Это я к тому, что мы постепенно превращаемся в таджиков и чеченцев. Никто не видит, как они приезжают и устраиваются на работу. Просто они вдруг раз — и есть. А наши вдруг раз — и нет. А только что были. Эволюция. Народ меняет внешность, религию и привычки.

Если бы я стал чеченцем, уж то-то вы у меня хвосты бы поджали. Да если б я стал таджиком, и то изменился бы меньше, чем оставшись русским.

Закрома родины

Помойка — колыбель человечества и могила его собственности. Как любая могила, она дает пищу новой жизни. Вот и мои мусорные баки.

Все уже разошлись на работу, скинув по пути свои пакеты и свертки. В этот свободный час сюда никто не заходит. Полные баки увозят ночью, с утра здесь все свежее. Работа в этой загородке рифленого железа — куда чище, чем в морге или прачечной, про ассенизаторов я вообще не говорю; хотя они до фи́га зарабатывают.

Не помню, в каком кино это было: «Джентльмен не должен быть брезгливым».

А может, звучало не так: «Джентльмена ничто не может унижить». Ну, кто помнит, как в девяностом году джентльмены рылись в урнах, вытаскивая бычки подлиннее, и гнали дома самогон из томатной пасты, тот нас поймет.

Ворона взлетает на дерево и оттуда недовольно мне каркает. Левый хук в голову, то бишь засветить в правый глаз, у меня еще не вовсе пропал, так что мое право на эту экономическую зону партнеры уважают. Я задвигаю за собой рифленую аппарель и сортирую содержимое своей доли от недр и прочих богатств страны.

Весь улов делится на три части: для еды, для личного пользования и на продажу. Из продуктов оказывается, как чаще всего, несколько кусков подчерствевшего хлеба, тронутый налетом плесени обрезок сыра, вполне неплохой еще помидор, половина вялой луковицы, слегка надгнившее яблоко, суповая кость с хрящами и невысосанным мозгом, почти целая пачка чуть-чуть подкисшего творога и немного слипшегося в корку сахара на дне пачки. Не свистите про кризис, до голода стране еще далеко. Вот и мне на день хватит.

Одна из неумных и подлых людских привычек — выбрасывать окурки вместе с влажными объедками, после чего эту табачную кашу курить уже невозможно. А сушить — где их сушить?.. Но десяток длинных и сухих бычков находится. А вообще курево надо собирать в урнах на автобусных остановках — поздно вечером, а то утром дворники их опорожняют.

Из полезного я несколько раз находил ножи, их или терял, или менял на выпивку. Ложки, вилки, щербатые чашки, рваные ска-терки. Держать негде. Только то, что с собой в сумке.

А вот одежда — все одеты с помоек. Кепки, куртки, джинсы, рубашки, любая обувь, футболки, трусы — все есть. Простирнуть, починить — и одет будто из магазина.

Сегодня случай мне выделил две как новые, целые и стиранные сорочки. Кому-то, значит, надоели, или из моды вышли по его мнению. Я завернул их в пакет почище и пошел к Барсуку. Резво пошел, как верблюд на водопой, чем ближе к цели — тем быстрее.

Бартер

Денег Барсук никогда не платит. Он истинный бизнесмен. Когда бухло у тебя перед носом — отдашь что угодно.

— Сэконд-хэнд на Пушкинской закрылся — куда я их теперь дену? — начал он канючить, ломать комедию.

— Слушай, почему всем барыгам не дать одно погоняло — Паук? — спросил я.

— Придумай чего поновей, это ты меня каждый раз спрашиваешь.

— А ты каждый раз не отвечаешь.

— Смотри сюда — видишь: манжета протерта?

— Совесть у тебя протерта. Какая манжета?! Нинуля же на рынке от тебя торгует, эти рубашечки по стошке улетят быстрее голубей!

Он сидит в кресле, гадина, в подвале своем дворницком, и барахло вокруг навалено горами вдоль стен. Говорят, в районе ремзавода у него четырехкомнатная квартира и любовница из стриптиз-клуба. А кресло старинное, высокая спинка мореного дуба резного, и кожа свиная потертая бронзовыми гвоздиками окантована. Отреставрировать это кресло — цены ему не будет. Из-за этой шикарной норы его Барсуком и прозвали.

— Трубы горят? — глумится он.

А ведь один удар ребром ладони по горлу — и покойник. Да ведь найдут, вот в чем беда. Вру, не найдут, на хрен он ментам сдался, прижучат первого же попавшегося бомжару, и дело с концом. А кому потом товар сдавать будешь?..

— До тридцати семи лет я вообще не знал, что такое головная боль, хоть с похмелья, хоть на ринге, — душевно жалуясь я, строя отношения.

Барсук запускает руку в ларь, заменяющий ему письменный стол, и достает голубоватый пластиковый флакон 0,7 «Help» — стекломоя. Цена его полтинник, и от него два месяца назад загнулся Узенья.

— Вот спасибо, — говорю я. Это изопропилен, технический спирт, сто грамм — а следующую сотку уже пьешь нектара в райских кущах. — И дуста на закуску, да?

— Че рыло-то воротишь, — бурчит он. — Люди берут, не жалуются.

— А ты часто слышал, чтоб покойники жаловались?

— Так а че те надо? — кривится он, но убирает свой яд и ставит на ларь розовый лосьон. Экономный парень. Девяносто пять грамм — по сорок пять рублей за флакон, если место знать.

Я забираю флакон и обратно одну рубашку.

— Куда потащил?

— Один флакон — одна рубашка. Два флакона — две рубашки.

— Нет у меня больше розового! Зайди завтра — отдам.

— Ты — отдашь?! Рубашечка, кстати, — чистый хлопок, смотри.

— Ну нету, честно говорю.

— Давай чего есть!

Барсук правильно прикидывает силы и расклад и добавляет флакон «Ландыша» — семьдесят пять грамм, цена та же, кпд тот же: семидесятиградусный нормальный спирт. В аптеке это все в полтора раза дороже. Если есть. Если пустят. Если дадут...

Жизнь прекрасна

Время к двенадцати. Солнышко вышло и греет. Бабье лето, тепло. Стена нагрелась, и сидеть, прислонившись спиной к теплым кир-